

Т.Г. Попова, Н.В. Таратынова

Политический текст и его лексические особенности

В статье рассматриваются лексические особенности политического текста. Описывается использование политической терминологии. Анализируются трудности перевода и выявляются пути их решения.

Ключевые слова: политический дискурс, лексические единицы, перевод политических текстов.

Политический язык как английского, так и русского языков относится к числу лингвоинтенсивных специальностей и представляет собой сферу повышенной речевой ответственности. Это официальный язык государственной власти, средства воздействия которого отличаются от языковых средств, используемых в художественной, публицистической и разговорной речи.

Необходимо также отметить, что в процессе коммуникации, в частности, в сфере социально-ориентированного общения, язык подвергается определенного рода социально-культурному варьированию, в котором всякий раз учитывается картина мира в видении индивидуума. Достижение коммуникативно адекватного языкового поведения наряду с наличием культурно-исторических знаний требует еще и учета социальной

дифференциации языка сферы его использования, что является «отражением социальной дифференциации, где каждая языковая группа разрабатывает специфическое языковое поведение или языковой вариант, специфичный для данной группы» [3, с. 361].

Одной из основных функций дискурса является оказание воздействия на собеседника. Следовательно, важной характеристикой дискурса, в том числе и политического дискурса, следует понимать коммуникативно-прагматическую установку, под которой понимается целенаправленный отбор языковых средств субъектом речи для оказания определенного воздействия на адресата.

Поскольку дискурс имеет деятельную природу, он может быть осмыслен в терминах прагматики. Прагматический аспект языка и общения связан с отношением человека к языковым знакам, с выражением его установок, оценок, эмоций, намерений при производстве и восприятии речевых действий в дискурсе [4, с. 274].

Вопросам исследования политического дискурса посвящены работы таких лингвистов, как Э.В. Будаев, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и др. ученых. Для современной политической лингвистики характерны такие черты современного языкознания, как антропоцентризм (языковая личность становится точкой отсчета при изучении языковых явлений), экспансионизм (включение в область исследования лингвистики ряда смежных проблем, т.е. ее расширение), функционализм (изучение языка в действии, в функционировании), а также экспланаторность (стремление не только описать языковые факты, но и дать им объяснение).

Вслед за Э.В. Будаевым и А.П. Чудиновым полагаем, что источниками исследования политического языка являются политический медиадискурс (в том числе пресса, радио, телевидение) и собственно политический (институциональный) дискурс (листовки, парламентские дебаты, выступления на митингах, документы политических партий и др.) в их многообразных разновидностях и пересечениях [2, с. 192]. Вместе с тем существуют тексты, совмещающие в себе признаки политического дискурса с характерными чертами художественного, бытового или научного дискурса.

Характерными чертами политического дискурса в плане лексики являются весьма широкое использование профессиональной политической терминологии; частое употребление «высоких», т.е. книжных слов (*to corroborate a statement* – подтверждать заявление, *proponents* – сторонник, *a vision* – концепция, *heterogeneous* – неоднородный), клише и штампов (*last but not least* – наконец, что не менее важно; *boom and bust* – цикл «бум и спад»; *apart from the fact that* – помимо того, что; *in*

the absence of – в условиях отсутствия; *to the extent that* – при условии, что; *by the same token* – аналогично этому; *to take / hold the view that* – придерживаться мнения, что; *strictly speaking* – строго говоря; *to proceed from the assumption that* – исходить из предположения, что; *to sum up the above-said* – подводя итог вышесказанному; *to bear in mind* – принимать во внимание).

В политическом языке также часто фигурируют необычные устойчивые фразы (*to take smth for granted* – считать что-либо не требующим доказательства; *to lay foundations of* – закладывать основу; *to go hand in hand* – быть неразрывно связанным с; *to break new grounds* – раскрывать новые возможности; *to set in motion* – сдвинуть с мертвой точки).

D. Crystal в книге «English As a Global Language» сравнивает английский язык с пылесосом: «English is a kind of vacuum cleaner of languages – it sucks in vocabulary from any language it can get» [8, с. 89]. Действительно можно отметить многочисленные заимствования в словаре английского языка, которые главным образом вошли в него из латинского и французского языков.

В научных монографиях и статьях на политические темы можно встретить латинские и французские слова и выражения, способствующие созданию торжественного, консервативно-возвышенного стиля. Реже в английском языке встречаются греческие, немецкие и итальянские заимствования: *ad interim* – 1) временно, 2) на данное время; *a priori* – предварительный; *bona fide* – истинный; *de facto* – фактический; *de jure* – юридически; *example gratia* – например; *et alii* – и прочие; *ibidem-ibid* – там же; *id est* – другими словами; *inter alia* – помимо прочего; *modus operandi* – образ действий; *modus Vivendi* – временное соглашение; *nota bene* – примечание; *per se* – по существу; *pro et contra* – за и против; *pro tempore* – временно; *quid pro quo* – недоразумение; *versus* – против).

Особенно следует остановиться на влиянии французского языка на политический язык современного английского языка. Так, например, наш анализ политических текстов показывает изобилие французских слов в подобных текстах. Эти слова активно интегрируются в словарь английского языка. Они отличаются возвышенной окраской (сравните, например: *end – completion, to begin – to commence, to come – to arrive, whole – entire*).

Обращает на себя внимание широкое использование в английском политическом языке и неассимилированных французских слов и выражений. Речь идет о так называемых «варваризмах» (*raison d'etat* – в государственных интересах, *vis-à-vis* – коллега, *faux pas* – промах, *laisser-faire* –

попустительство, *coup d'etat* – переворот, *carte blanche* – одобрение, *raison d'être* – смысл).

В русском политическом тексте латинские и французские слова встречаются гораздо реже. Однако наблюдается использование терминов, пришедших из британского и американского вариантов английского языка. Они часто пишутся в английской орфографии или переводятся способами калькирования, транскрипции или транслитерации. Например – «outsourcing», «актор», «внешнеполитические игроки».

Для политического языка, который отличается высокой плотностью информации, типично наличие общепринятых и авторских сокращений (*R&D* – научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, *GDP* – валовый внутренний продукт, *G8* – Группа восьми, *WMD* – оружие массового поражения).

У большинства общеизвестных сокращений имеются русские эквиваленты (*the NPT* – ДНЯО, *POWs* – военнопленные, *North Korea / the People's Democratic Republic of Korea* – КНДР), которые переводчик использует в тексте перевода. Авторские сокращения, как правило, переводятся при сохранении авторского принципа сокращения. Говоря иными словами, усеченные формы передаются тоже усеченными формами, акронимы – акронимами.

В политическом дискурсе часто появляются ссылки и цитаты (как правило, с точным указанием источников). Кроме того, он изобилует выражениями известных людей: *a clash of civilization* – столкновение цивилизаций (С. Хантингтон); *the White Man's burden* – бремя белого человека (Р. Киплинг); *entangling alliances* – союзы, которые лишают свободы действия (Т. Джефферсон); *the pursuit of happiness* – стремление к счастью (*The Declaration of Independence*); *the evil empire* – империя зла (Р. Рейган); *a rendezvous with destiny* – встреча с судьбой (Ф. Рузвельт); *the silent majority* – молчаливое большинство (Р. Николсон); *the lunatic fringe* – люди с самыми дикими радикальными взглядами (Т. Рузвельт); *the vision thing* – «эти программные умствования» (Дж. Буш старший); *the iron curtain* – «железный занавес» (У. Черчилль); *agonizing reappraisal* – мучительная переоценка (Дж. Фостер Даллес); *weasel words* – «двуличные» слова (Т. Рузвельт).

В политическом языке встречается множество имен собственных (персоналий, названий народов, стран, географических объектов, наименований учреждений, периодических изданий, культурно-исторических объектов). В связи с этим встает вопрос о переводе подобных реалий (*culture-specific elements*). В этом случае переводчики чаще всего используют транскрипцию («Новая газета» – *the Novaya Gazeta*; *Grosvenor*

Square – Гровнор Сквер), транслитерация (*Michigan* – Мичиган, *Illinois* – Иллинойс), калькирование (Зимний дворец – *Winter Palace*, «новые русские» – «*new Russians*»). Иногда переводчики дают двойной перевод: разъясняющий и транскрипционный (*the Pentagon* – 1. Пентагон. 2. Министерство обороны США), кальку и транскрипцию (Успенский собор – 1. *Uspensky Sobor*. 2. *the Assumption Cathedral*). Следует помнить, что в этой области существуют определенные традиции, от которых не рекомендуется отступать, например, Пекин – *Beijing*, Чингисхан – *Genghis Khan*, Румыния – *Romania*, Дамаск – *Damascus*, Черногория – *Montenegro*, Ливан – *Lebanon*, пролив Ла-Манш – *the English Channel*.

В политическом дискурсе часто встречаются прилагательные, образованные от фамилий. Они либо указывают на конкретную личность (*Napoleonic wars* – наполеоновские войны, «*Brezhnev-era apartment*» – брежневка) либо обобщенно характеризуют какое-либо явление или объект. В последнем случае они переводятся с добавлением слов «в духе», «в стиле», «свойственный», «характерный для», которые ставятся перед именем собственным или заменяются в переводе прилагательным общего характера (*Napoleonic ambitions* – огромные амбиции, *stalin buildings* – «сталинки»).

В языке политики обращает на себя внимание обилие стереотипных зачинов: *it is important to bear in mind that* – необходимо принимать во внимание; *it may be argued that* – можно утверждать, что; *special mention should be made of* – особое внимание следует уделить; *the same thing may be said of* – то же самое можно сказать и о; *it is worth dwelling on* – стоит подробно остановиться на.

Язык политических текстов, статей и докладов в лексическом плане обычно сухой (как следствие использования многочисленных клишированных фраз и всевозможных штампов), абстрактный, с высоким уровнем обобщенности (за счет насыщенности сложными словами и словами с абстрактным значением, например, *unipolarity* – однополярность; *multilateralism* – принцип многосторонних отношений; *entity* – существование, субъект; *facility* – средство; *environmentalism* – движение в защиту окружающей среды; *player* – участник), возвышенный (ввиду преобладания книжных и архаичных слов). Он мало или специфично окрашен в эмоциональном плане (эмфатичность в основном достигается грамматическими средствами) и в целом очень традиционен и консервативен в плане использования арсенала языковых средств [6, с. 19]. В нем также наблюдаются авторские художественно-творческие элементы, которые сводятся к созданию новых терминов (*a multipolar world*; *detrterritorialization and reterritorialization of political and economic power/space*; *deweaponisation*, *Disneyfication of culture*, *dystopia*).

Корреляция глубины семантического объема лексем, точности и прилизительности номинации, а также широты и узости десигнанта лексических единиц позволяет утверждать нам, что лексическая единица способна обладать разной степенью информативной насыщенности [4, с. 275]. Слова высокого стиля в английском языке – это обычно длинные, многосложные слова часто негерманского происхождения, иногда не полностью ассимилированные, с налетом книжности и архаичности. Они часто имеют в нейтральном стиле более простые и короткие синонимы [1, с. 341]. Например, если взять синонимическую группу с доминантой *to carry out*, то можно привести такие глаголы, как *to implement*, *to execute*, *to materialize*, *to realize*. Приведем также и такие примеры, как существительное *need* – *necessity*, *imperative*; прилагательное *useless* – *unhelpful*, *uninstrumental*, *counter-productive*, *inoperative*; наречие *nearly* – *about*, *approximately*; предлоги *after* – *following*, *in the wake of*, *in the aftermath of*. В этой связи при переводе политических текстов важно знание соответствия снов-синонимов и слов-квазисинонимов.

Особое внимание обращают на себя новообразования в лексике политического дискурса. Научные исследования политических процессов и тенденций предполагает появление новых открытий, введение новых понятий и новой терминологии. В политическом языке фигурирует много неологизмов, предложенных политиками. Например, *soft power* – мягкое влияние (т.е. влияние через культуру, идеологию и пропаганду); *hard power* – жесткое влияние (т.е. давление, оказываемое с помощью военных и экономических рычагов); *coalition of the willing* – коалиция добровольных партнеров; *unipolarity* – однополярность; *managed democracy* – управляемая демократия; *velvet revolution* – бархатная революция; *velvet divorce* – «бархатный развод» (мирный распад Чехословакии на два государства); *colour/coloured revolution* – цветная революция; *rogue state* – государства-изгои; *peace enforcement* – принуждение к миру; *warlordism* – военно-феодальный режим; *shock and awe* – тактика «шок и трепет»; *New Europe* – государства Восточной Европы; *Greater Middle East* – расширенный Ближний Восток; *othering* – отличие, отчужденность; *faultline* – линия разлома; *Euromphobia* – боязнь европейской интеграции, отрицательное отношение к Евросоюзу; *Euroseptic* – противник европейской интеграции; *Euromphilia* – энтузиазм в отношении к европейской интеграции, положительное отношение к Евросоюзу.

Большой вклад в создание неологизмов вносят политики и политологи. Среди них – *J. Nye*, *S. Huntington*, *F. Fukuyama*, *R. Haas*, *R. Robertson*, *H. Morgenthau* и др.

В политическом дискурсе русского языка также обозначились новые термины: вертикаль власти – *vertical power structure, the vertical of executive power, top-down command structure*; дуга стабильности – *the arch of stability*; ближнее зарубежье – *near abroad, former Soviet republics, post-Soviet space, CIS countries*; дальнее зарубежье – *non-CIS state*; встреча без галстуков – *an informal meeting, a short-sleeves meeting*; политтехнолог – *a political consultant, an image-maker, a spin doctor*; бюджетники – *state-paid workers*; силовики – *security officials, security agencies, the military ministers, the military police-apparatus*; суверенная демократия – *sovereign democracy*; замороженные конфликты – *frozen conflicts*.

Необходимо отметить, что в последнее время в российскую политику пришло много новых слов сниженного стиля – мочить террористов в сортире (В.В.Путин, *to hunt terrorists down even in the john*), кошмарить бизнес (Д.А. Медведев, *to harass business*) и др.

Словари не всегда успевают фиксировать многие неологизмы, с чем связана еще одна особенность лексической структуры политического текста. Перевод неологизмов, как правило, осуществляется способами транскрипции, калькирования, путем объяснения, путем описания.

Таким образом, переводчик политических текстов должен иметь высокий уровень базовой компетентности в политике и политических науках, понимать суть научных дискуссий в этой области. Как пишет А.В. Федоров, «основной предпосылкой правильного перевода является знание предмета, о котором идет речь» [7, с. 298]. Важным также представляется осознание переводчика политических текстов того, что «язык по-своему членит мир в соответствии с установившимися языковыми нормами. В нем находят свое отражение историческое развитие этноса, нравы и обычаи народа, культурные традиции, которые преломляются и видоизменяются на каждом новом этапе развития данной лингвокультурной общности» [5, с. 105].

Библиографический список

1. Арнольд И.В. Стилистика. Совр. англ. язык. 5-е изд. М., 2002.
2. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика. М., 2008.
3. Попова Т.Г. Интеграция языка и культуры как культурологическая реальность в процессе перевода // Пространства и концептосферы языка: структура, дискурс, метатекст: Материалы III Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. М., 2009. С. 361–382.
4. Попова Т.Г. Категория информативной насыщенности юридического дискурса // Профессионально ориентированное обучение иностранному языку

и переводу в вузе. Материалы международной конференции 29–31 марта 2011 г. М., 2011. С. 273–285.

5. Попова Т.Г. Синтагматические особенности юридического дискурса // Инновации в преподавании иностранных языков студентам-юристам. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Москва, 25 марта 2011 г. М., 2011. С. 105–107.
6. Родоман Н.В. Английский для магистрантов. Курс политперевода. М., 2009.
7. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. СПб.; М., 2002.